

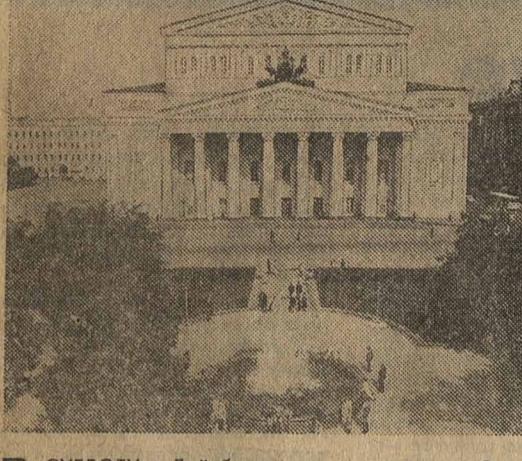
Шостакович Д.

16/5/82

16 МАЯ 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПАМЯТЬ

В СУББОТУ в Дуйсбурге звонили колокола. Звук шел будто с низкого, забранныго тучами неба. В бурой рейнской воде косые струи дождя взбухали пузырями, и казалось, именно они и лопаются с металлическим протяжным звоном.

Вдоль Рейна, словно на автостраде, километровые столбы. Точнее, не столбы, а издалека видные крупные цифры на стенах причалов. На дюлю Дуйсбурга приходится сорок таких отметин из тысячикилометрового судоходного водного пути. Вот синие цифры 775 — напротив завод Круппа. Тут же дымные трубы концерн Тиссена, Маннесмана. По числу жителей Дуйсбург занимает в ФРГ десятое место, по стадионной промышленности — первое. Отменные мелодичные колокола — тоже из этой стали.

Сейчас они звонили по случаю какого-то праздника, но мне в их звоне слышалось другое.

Перед тем как выйти на улицу, я сидел в кабинете Ханса Люнебаха, директора музыкального театра — еще одной достопримечательности Дуйсбурга и Рейна. Театр так и называется — Опера на Рейне, хотя от белоколонного здания реки не увидать, как и не увидать отсюда его второй площадки, находящейся в нескольких десятках километрах — в Дюссельдорфе. Мы разговаривали с директором о предстоящих в Дуйсбурге и Дюссельдорфе спектаклях Большого театра из Москвы — последнем аккорде полугодового фестиваля музыки Дмитрия Шостаковича. Впервые за рубежом показывался его балет «Золотой век». Билеты на спектакли были давно распроданы, и вообще успех фестиваля превзошел все ожидания.

Я задал простой вопрос — без всякой задней мысли: сколько зрителей вмещает зал театра, и директор ответил, что 1.118. А потом добавил: до войны было 1.650 мест. Во время налета союзной авиации в театр попала бомба, и в послевоенной реконструкции он лишился 532 кресел. Мы продолжали говорить, а я непривычно в уме вычитал, умножал, делил, и самые разные факты всплывали в памяти.

О них и думал я в дождливом Дуйсбурге под мерный колокольный звон накануне балетной премьеры Большого.

Вот вам еще один неожиданный итог войны в масштабе одного театра. Считал приблизительно — за десять лет, пока театр лежал в руинах, в него не пришли около пяти миллионов зрителей, а затем (532 места умножить на 300 дней и 35 лет) — еще примерно пять с половиной миллионов человек. Вот цена одной только бомбы, умноженной на время: за 45 лет в зал театра не прешли 10 миллионов.

Почти 50 миллионов человеческих жизней унесла вторая мировая война. Это несмыслимый счет и позор фашизму на все времена от имени человечества и истории. Но возникшая в моем воображении цифра — десять миллионов — тоже возмездие фашизму. И это не абстрактные десять миллионов, ибо фашизм стрелял в упор во все человечество и в каждого человека в отдельности. Даже — в еще не родившихся.

Несколько лет назад в Гамбурге на антифашистской выставке среди экспонатов эпохи зарождения нацизма я увидел самую обыкновенную колясочку. В ней лежал отпечатанный на машинке листок с цитатой из речи Гитлера во Дворце спорта в Берлине 30 мая 1942 года. Он хвастался, что за десятилетие рождаемость в Германии увеличилась на два с половиной миллиона человек, и добавлял при этом: «Нынешняя война не стояла нам пока и десяти процентов тех человеческих жизней, что благодаря этому привелись у немцев». Вот для чего ему нужно было, чтобы рождались дети.

Сегодня в дуйсбургский театр одни не пришли потому, что был аншлаг и для них не оказалось мест, другие потому, что погибли на войне раньше, чем собрались в театр, и вместе с ними не пришли их неродившиеся дети. И я точно так же мог не сидеть в театре, если бы в октябре 41-го с Западной трибуны стадиона «Динамо» пулеметный трассирующий след не прошел бы самолет, который пикнировал на колонну эвакуирующихся из Москвы — это первое воспоминание о войне четырехлетнего человека.

И не звучала бы в этом дуйсбургском театре музыка Дмитрия Шостаковича, если бы бомба попала в здание консерватории, на крыше которой нес свои дежурства в комбинезоне пожарного великий композитор нашего времени.

Тогда его — 34-летнего — называли великим. Увы, стать великим — посмертная привилегия. Живой может лишь подниматься по ступенькам судьбы, и кто может дать гарантию, что это ступень в небо?! К своему величию Дмитрий Дмитриевич начал подниматься в 1941 году по прозаическим ступеням пожарной лестницы под разрывы вражеских бомб.

3 сентября 1941 года он зафиксировал в записной книжке дату окончания чистовой партитуры первой части Ленинградской симфонии. 8 сентября, когда на город было сброшено 6.327 зажигательных бомб, налетели эскизы второй части.

Через много лет, вспоминая на страницах «Советской культуры» работу над симфонией, Шостакович написал об этих сентябрьских днях: «Постепенно замысел разросся. Главное, что мне казалось важным раскрыть в музыке, — это любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни».

В МАЕ 1945 года в подземелье фашистской рейхс канцелярии был найден дневник министра пропаганды Геббельса, который он вел в течение многих лет. В книге Елены Ржевской «Берлин,

май 1945» описано, как выглядели эти тетрадки с откровениями палача — абсолютно секретными, для себя, записями, ибо на каждой странице запечатлены подлые, отвратительные тайны рейха. Нельзя без содрогания погружаться в них сегодня — вся подноготная фашизма в них, как на ладони.

Но сейчас я извлекаю из этих дневников только то, что относится к музыке. Да-да, к музыке! В начале июня 1941-го Геббельс записывает, как для отвлекающего маневра он «приказал сочинить песню о вторжении, новый мотив», чтобы мир думал, что готовится нападение на Англию.

Не знал он в те дни, упоенный собой, что тема вторжения, которую он искал, станет всего лишь через несколько месяцев одной из самых великих тем мировой музыки, и будет сочиняться она в Берлине, а под разрывами его бомб в Ленинграде. И, в частности, 10 сентября тоже, когда министр записал: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованием капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом».

Но вернемся к июню 41-го. И к музыке.

«Я испытываю новые фанфары для радиопередач. Это очень подходит к обстановке» (15.VI).

«Испытывал новые фанфары. Все еще не нашел нужного» (18.VI).

«Испытывал новые фанфары. Теперь нашел нужные... Фюрер очень доволен нашими фанфарами, он приказывает еще кое-что добавить» (21.VI).

ДВЕ МУЗЫКИ ВРЕМЕН ВОЙНЫ И МИРА

«3 часа 30 минут. Загремели орудия. Господь, благослови наше оружие!.. Великое, чудесное время рождения новой империи... Прозвучала новая фанфара. Мощно, звучно, величественно. Я провозглашаю по всем германским станциям возвращение фюрера к германскому народу... Чудесное солнце поднялось высоко в небе... В саду шебечут птицы» (22.VI).

Да-да, в три часа тридцать минут 22 июня 1941 года по берлинскому времени. Вот для чего нужны были Геббельс фанфары — для музыкального вступления, подчеркивающего важность радиопередач. После этих фанфар Гитлер возвестил о нападении на Советский Союз.

Еще чуть-чуть о музыке. В эти июньские дни Геббельс отдал распоряжение поэтам срочно написать песню о русском походе, но песня не получалась. Тогда взялся за дело он сам, переписав тексты своих сотрудников по министерству пропаганды. «Великолепная песня», — восхищается он сам собой, не ведая, что вооружает армию похоронным маршем.

И последнее о музыке. В конце июня с помпой фюрера Геббельс торжествующе наложил запрет на всех русских композиторов. Впрочем, как и на писателей.

ЖИЗНЬ Дмитрия Шостаковича в годы войны описана со скрупулезной точностью. С. Хентова в своем волнующем исследовании «Д. Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны» прослеживает почти каждый день композитора. Буквально в первые часы войны он написал заявление о призыва в армию. В ответ просили подождать. Вступил в народное ополчение. Рыл окопы.

Когда начали формироваться фронтовые концертные бригады, он за три дня сделал аранжировки для консерваторского ансамбля, переложив для голоса в сопровождении скрипки и виолончели 27 романсов и песен. В рукописном открытии библиотеки Ленинградской консерватории хранятся 111 страниц переложений. И открывается список композиторов, избранных Шостаковичем, именем Людвига ван Бетховена.

Так что просьба учесть этот исторический факт — великий немец тоже внес свой вклад в победу над безумством войны, пока писалась новая великая музыка.

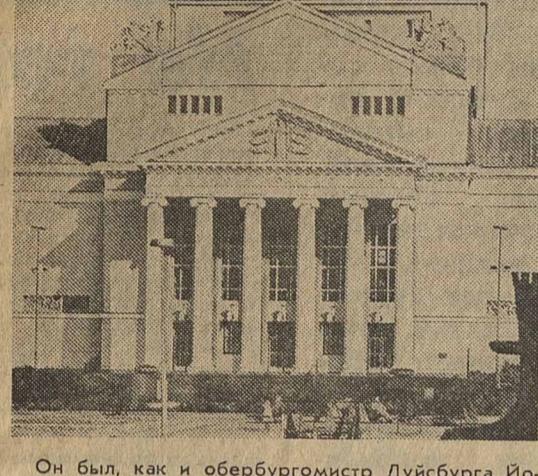
Исторический факт и то, что фашизм с его идеологией человеческогоничества потерпел сокрушительное поражение не только на фронтах войны, но и на всех фронтах искусства, не создав буквально ничего ни в одном из жанров творчества.

«Тема вторжения» не родила ни одного художника. Отпор этому вторжению пробудил жизни невиданные творческие силы. Как гениально творчество преобразует взгляд на мир. Одна тема наставления «Седьмой симфонии» Шостаковича вынесла такой приговор фашизму, который пригвоздил его к позорному столбу на века.

Триумф «Седьмой симфонии» был всепланетный. История музыки доселе не ведала такой скорости распространения и такого воздействия на умы людей.

В год сорокалетия Победы над фашизмом «Седьмая симфония» звучала на берегах Рейна. Ее исполнял оркестр Ленинградской филармонии, дирижировал Александр Лазарев. Это была кульминационная точка фестиваля музыки Шостаковича, ибо в преступлении войны нет давности срока, а приговор ей окончен.

В ДУЙСБУРГЕ я познакомился с доктором Конрадом Шиллингом. Его фамилия и должность выписаны на прямоугольнике металлизированного картона. «Дуйсбург — город стали», — сказал доктор, протягивая визитку. А должность его мы так и не сумели точно перевести на русский, найдя ей лишь подходящий эквивалент — начальник управления городского отдела культуры.

Он был, как иoberбургомистр Дуйсбурга Йозеф Крингс, одним из главных организаторов фестиваля музыки Дмитрия Шостаковича, который прошел в 30 городах ФРГ. «В Дуйсбурге и еще в 29 городах», — внес уточнение доктор Шиллинг.

Мы разговаривали с ним о музыке, о войне, о проклятии фашизма, о стереотипах восприятия искусства. Одним из таких стереотипов К. Шиллинг назвал политизирование искусства.

Говоря об одном, мы часто вкладываем разный смысл в одни и те же понятия. Вот как говорил о политике доктор Шиллинг:

— Целью фестиваля Шостаковича было устроить предрасудки в отношении его музыки, которые нередко встречаются на Западе. Эти предрасудки можно рассматривать с двух точек зрения. Первая — развитие музыки в Западной Европе после войны. Для новых композиторов Шостакович был неинтересен своей классичностью. Они считали его музыку простой, не распознав необыкновенной глубины его произведений, не умея вслушаться в них. А вторая точка зрения такова. Шостаковича относили к группе коммунистических партийных композиторов, подчеркивая, что он писал музыку по заданию партии. Сегодня же все признали, какое значение имеет музыка Шостаковича для всего мира. И поэтому такой возраст и такое признание получил фестиваль его произведений на Рейне.

Я не стал спорить по частностям. Чтобы знать, надо по крайней мере видеть и слышать. В Дуйсбурге захотели услышать. С этого и начинается диалог не только в политике, но и в искусстве.

— Всю разрушает искусство, — сказал доктор Шиллинг.

— Но сопротивление ей созидает его, — сказал я, и собеседник согласился.

СОБСТВЕННЫЕ раны садят горше. Поэтому помята на Рейне о поверженном бомбой театре. Но ни Шиллинг, ни Люнебах не знали, пока я им не рассказал, что фашистские бомбы не миновали и Большой театр. Летопись его военных дней мне в свое время поведал бывший комендант Большого А. Рыбин. В ночь с 7 на 8 августа 1941 года на крышу Большого угодили 17 зажигательных бомб, и некоторые пробили ее. А 28 октября того же года мощная пятисоткилограммовая «фугаска» разорвалась перед парадной колоннадой, убив и покалечив десятки прохожих, которые вышли на улицу из укрытия метро после отбоя воздушной тревоги. А вылетевший из-под облака самолет сбросил свой смертоносный груз. Взрыв повредил фасад театра, рухнул потолок в центральном фойе.

Разрушения могли бы быть страшнее, если бы бомбе не бросило вызов само Искусство. От вражеских бомбардировщиков театр был закамуфлирован декорациями и тюлями к опере «Князь Игорь», а в стороне на асфальте художники изобразили ложное здание театра. Оставшаяся в Москве часть труппы работала в здании филиала. Вот один факт: только за три года войны на сцене Большого 122 раза прошел балет Чайковского «Лебединое озеро». А за всю свою сорокалетнюю сценическую историю до Октября 17-го года он выдержал в Москве на 30 представлений меньше. Вот чем стали Музыка и отечественная классика в битве с фашизмом!

Там, где упала бомба, сегодня сквер и гранитный круг фонтана. И в нынешний День Победы — 9 мая — именно здесь собирались ветераны войны, чтобы почтить память погибших.

Когда я разговаривал со своими собеседниками, я не знал еще одного поразительного факта. Наступая на Москву, Гитлер стягивал к ней не только вооружение и армии. Загодя он послал к столице и эшелон из Скандинавии с темно-красным гранитом, чтобы водрузить в Москве монумент победы Германии над Советской Россией. Я читал когда-то, что из этого гранита сделали облицовку цоколя здания на улице Горького рядом с телеграфом, арку на улице Неждановой. Но не знал, что тот же темно-красный гранит и у фонтана Большого театра тоже несет в себе блеск войны и Победы.

Мы помним войну не потому, что движимы злобой. Ее нет и не было у нас. Но есть вещи в истории народа, которые не забудутся никогда ни по тяжести страданий, ни по силе их преодоления. Музыка тоже воевала, под свист пуль и грохот разрывов вплетая свой голос в кричащую фотографию века.

Вот о чем я думал под колокольный звон в дождливом Дуйсбурге и вспоминаю об этом теперь. Увы, театры более незащищены от бомб, чем военные заводы. И стены их рушатся едва ли не первыми. Я видел восстановленные из руин театры в Дрездене, Гамбурге, Бисбадене. Во время войны они оседали от бомб и снарядов. Но мины под их фундаменты еще до того, как налетела союзническая авиация, заложили безумство фашизма. Он взорвал сам себя, но сколько же жизней он унес!

Так пусть же ради и тех жизней, и будущих дружат театры.

В эти дни на Рейне поют артисты оперы Большого театра. А через несколько дней в Большом театре будут петь певцы из Оперы на Рейне. Они привезут Моцарта, Вебера, Вагнера.

В город, где долгие годы жил Шостакович. Жил на улице Неждановой, возвращаясь домой через арку из темно-красного гранита. Вряд ли думал он когда-нибудь, что она воздвигнута и благодаря его музыке. Но это так, если взглянуть на мир с высот Искусства.

Ал. АВДЕЕНКО.